

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Ахутиной Татьяны Васильевны - доктора психологических наук, профессора, заведующего лабораторией нейропсихологии факультета психологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» - о диссертации Федоровой Ольги Викторовны «Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

В диссертации Ольги Викторовны Федоровой предложена и построена новая парадигма экспериментальных исследований – исследований дискурса. Новизна диссертации заключается не только в разработке и проведении экспериментов и лингвистической интерпретации полученных данных. Современная лингвистика понимается О.В. Федоровой как составная часть когнитивной науки. «Когнитивное обязательство» (если воспользоваться выражением Дж. Лакоффа) было принято диссертантом всерьез, что потребовало проведения теоретически сложной и поистине новаторской работы по выработке, проверке и теоретическому обоснованию *методологии* экспериментального анализа дискурса. Актуальность и теоретическая значимость такой темы и такой постановки вопроса диссертационного исследования не вызывает никакого сомнения, можно с уверенностью сказать, что О.В. Федорова прокладывает новые пути в когнитивной лингвистике, показывая пример подлинной интердисциплинарности, когда успешно интегрируются фактологические и теоретические знания лингвистики, психологии и нейронауки. Практическая значимость работы также очень велика. Во-первых, разработанная методология экспериментального анализа дискурса может быть использована в любых исследованиях, связанных со сбором и анализом любого дискурсивного материала, например, в исследованиях дискурса в нейролингвистике или онтолингвистике. Во-вторых, в работе были получены, упорядочены и теоретически осмыслены важные для лингвистики факты, которые существенны для педагогической и переводческой практики.

Перейдем к структуре и содержанию диссертации, при этом мы будем останавливаться, в первую очередь, на нейрокогнитивной составляющей диссертации.

Теоретико-методологическая часть I раскрывает корни и современные подходы к разработке методологии экспериментального анализа дискурса. В первой главе предлагается типология взаимодействия наук, составляющих когнитивную науку / когнитивные науки, и подробнее рассматривается междисциплинарное взаимодействие психологии и лингвистики и два его варианта: психолингвистика и когнитивная лингвистика. В работе дается следующее определение первого направления: «Психолингвистикой называется междисциплинарная когнитивная наука, изучающая процессы порождения и понимания речи в их функционировании, становлении и распаде». Про второе направление, вслед за Ж. Фоконье, говорится: «когнитивной лингвистикой называется такая теоретическая и эмпирическая исследовательская программа, которая проникает внутрь видимой структуры языка с целью исследования комплексных познавательных операций, которые создают грамматику, концептуализации, дискурс и саму мысль». Эти определения очень общие и очень близкие. Диссертант находит следующие различия в двух направлениях интеграции психологии и лингвистики: традиционная психолингвистика, придерживающаяся модулярного представления о познавательных механизмах, начинает с некоторой лингвистической теории, которую она подвергает экспериментальной проверке. Традиционная когнитивная лингвистика, отвергающая модулярность, начинает с данных интроспекции и строит на их основе некоторую, чаще психологическую, теорию. При этом автор отмечает, что эти различия характерны скорее для прошлого, чем для настоящего, и что в последние годы происходит заметное обоюдное сближение обоих направлений (с. 36 – 41). На мой взгляд, предлагаемое О.В. Федоровой противопоставление справедливо только для части психолингвистики, для приверженцев взглядов Н. Хомского; но во все время существования психолингвистики у хомскианцев

были сильные оппоненты, например, Э. Бейтс, Г. Кларк, Д. Слобин. И конечно, отечественная психолингвистика никогда не была хомскианской, не была модулярной и не ставила во главу угла проверку определенной лингвистической гипотезы.

В главе 2 обсуждается один из важнейших вопросов лингвистической методологии – вопрос о методах сбора языковых фактов. Здесь диссертант обоснованно выделяет три основных метода эмпирической лингвистики: наблюдение, эксперимент и метод извлечения текстов. По своему опыту могу сказать, что все три метода активно используются в нейролингвистике, но у основного метода – метода извлечения текстов – не было названия, О.В. Федорова очень удачно его заимствовала из полевой лингвистики.

Главы 3 и 4 посвящены описанию методологии новой научной парадигмы экспериментального изучения дискурса, которую диссертант называет экспериментальным анализом дискурса (ЭАД). В главе 3 говорится о лингвистическом анализе дискурса, а в главе 4 – о комплексном подходе к анализу дискурсивных явлений. Остановимся на комплексном подходе подробнее. Говоря о нем, О.В. Федорова справедливо связывает его необходимость с реальной многофакторностью практически каждого дискурсивного явления, которая значительно увеличивает вероятность ошибки при применении того или иного метода, использованного изолированно. Диссертант выделяет три главные составляющие комплексного подхода: учет когнитивных данных, учет типологических данных и учет данных онтогенеза. Это логичная стройная система, к которой было бы уместно добавить и учет данных распада речи. В ней заложены и анализ внутренних когнитивных механизмов, и разные языковые проявления, и анализ функционирования в расцвете, становлении и распаде. Учет когнитивных данных раскрывается О.В. Федоровой на примере анализа влияния рабочей памяти говорящих на понимание и порождение речи. Здесь мы находим и подробный обзор литературы, и воспроизведение основных экспериментов, и их анализ. Все это делается психологически грамотно и подводит к убедительному выводу о том,

что учет фактора рабочей памяти необходим при изучении дискурсивных явлений. Конечно, список необходимых когнитивных факторов можно и нужно продолжить, например, это фактор предпочитаемой (лучше развитой) стратегии обработки информации, я имею в виду холистическую правополушарную стратегию и аналитическую левополушарную. В исследованиях показана их связь с индивидуальными стилями овладения речью (экспрессивный и референциальный стили речи детей), а также с прагматическими особенностями построения дискурса (в зависимости от стратегии говорящие делают разные смысловые ошибки: уход от контекста или его неполное раскрытие).

Очень четко и понятно для неспециалиста написан раздел об учете типологических данных, в нем, как и в следующем разделе про учет данных онтогенеза, убедительно показаны преимущества проведения комплексных исследований, в которых наблюдение дополняется экспериментом.

В целом теоретико-методологическая часть I хорошо решает свою задачу раскрытия корней и современных подходов к разработке методологии экспериментального анализа дискурса.

В части II «Экспериментальный анализ дискурса: эмпирические исследования» излагаются собственные исследования дискурса диссертантом. Ее первый раздел посвящен синтаксическому праймингу, одному из эффектов имплицитной памяти. В нем показана важная роль синтаксического прайминга в понимании общих механизмов взаимодействия собеседников в диалоге и обсуждаются две существующие на сегодняшний день теории механизмов прайминга: теория остаточной активации и теория имплицитного научения, которые не исключают, а скорее дополняют друг друга. Эксперименты на синтаксический прайминг используются в дискуссии по вопросам об автономности синтаксического уровня и (не)врожденности синтаксических структур. Обсуждение этих вопросов – одна из очень интересных частей диссертации. Не могу не согласиться с выводом О.В. Федоровой, «что из результатов проведенных экспериментов совсем не следует, что эффект

синтаксического прайминга вызывается исключительно абстрактными синтаксическими структурами. Напротив, современные исследователи склоняются к той точке зрения, что абсолютно все уровни языковых репрезентаций могут при тех или иных условиях усиливать (или, возможно, ослаблять) эффект «чистого» СП». С данными нейролингвистики созвучен и такой вывод О.В. Федоровой: «факт наличия влияния более высокого концептуального уровня (в форме значений категории одушевленности/неодушевленности или в форме различных семантических ролей) несомненен». Хочется отметить ювелирную точность формулировок при решении сложнейших вопросов современной когнитивной науки. Приведу еще один пример: «несмотря на несомненные успехи в области обнаружения абстрактного детского синтаксиса, вопрос о (не)врожденности синтаксических структур остается открытым: возможно, некоторый период развития детского синтаксиса, на котором для построения синтаксических структур детям обязательно нужно опираться на конкретные лексемы, все-таки существует, только современные экспериментальные методы исследования пока еще недостаточно чувствительны к этим процессам». Для подтверждения этой мысли О.В. Федоровой приведу еще один довод.

На ранних этапах освоения речи, как свидетельствуют данные Э. Бейтс и ее сотрудников, очень важна роль правого полушария с его холистической стратегией обработки информации. Обзор современной литературы позволил сделать вывод, что левополушарный сдвиг происходит в разное время для разных речевых функций: для накопления словаря около – 18-20 мес.; на служебные слова – в 3 года. Приобретение первых 50 слов по одному, а позднее такое же освоение словосочетаний и синтаксических конструкций (item-based), можно предполагать, идет с активным участием правого полушария. Напротив, выведение правила и его применение идет с участием левого полушария. Современные исследования показывают удивительные способности детей к выведению закономерностей: детям 8 месяцев двух минут пассивного слушания скучных повторяющихся стимулов типа “BA DI CO RA VI” было достаточно, чтобы извлечь статистическую структуру входного сигнала и сделать это без подкрепления и внимательного слушания. Хотя некоторые исследователи предположили наличие «специального устройства для усвоения речи», однако новые данные говорят, что так же могут обрабатываться звуковые тоны и зрительные стимулы, не имеющие отношения к речи [Saffran J.R., et al., 1996; Bates E., et al, 2003].

В следующем разделе представлена модель референциального выбора. На мой взгляд, диссертант приводит убедительные аргументы в пользу наличия двух модулей – модуля говорящего и модуля адресата; в первом модуле происходит выбор типа референциального выражения; во втором модуле в зависимости от выбранной говорящим референциальной стратегии эта информация обрабатывается в одном из двух фильтров – фильтре референциальной избыточности или фильтре референциального конфликта.

Методу извлечения дискурсов посвящена заключительная глава экспериментальной части. Диссертант справедливо указывает, что этот метод, проигрывая экспериментальному методу с точки зрения внутренней валидности, выигрывает с точки зрения экологической валидности. В диссертации подробно рассматриваются исследования, проведенные на материале корпуса извлеченных диалогов «Русские танграммы» и корпуса извлеченных рассказов «Русские груши». Полученные результаты по первому корпусу подтверждают, что в процессе диалога собеседники совместными когнитивными усилиями формируют общую позицию и заключают концептуальные пакты относительно важных наименований, что облегчает им дальнейшую совместную коммуникацию. В исследованиях на основе второго корпуса интересно использование метода последовательных пересказов для решения вопроса о сохранении центральности референта.

Проведенный анализ рассказов «Русские груши» у больных с афазией показывает, что построение дискурса может быть нарушено при разных формах афазии. Важно, однако, различать первичные трудности построения дискурса и вторичные, вызванные, например, бедностью словаря.

Перейдем к рассмотрению части III диссертации, где подводятся теоретические итоги исследования. В ее первой главе наибольшее внимание уделено верификации двух современных моделей диалогического взаимодействия: совместной модели Г. Кларка и модели уподобления М. Пикеринга и С. Гаррода. Обе модели разделяют мнение об определяющей роли совместных действий собеседников в процессе их взаимодействия в ходе

диалога, в обеих речь идет о выработке собеседниками общей позиции. Однако в первой - это сознательный процесс с привлечением Модели психического, а во второй уподобление ситуационных моделей собеседников происходит при помощи не ресурсозатратного механизма прайминга, тогда как необходимость в сознательном контроле возникает лишь в случае коммуникативной неудачи. В соответствии с духом времени авторы второй модели выдвигают предположение об участии зеркальных нейронов в ее функционировании. О.В. Федорова делает обзор современных нейрофизиологических работ о локализации и функциях Модели психического и зеркальных нейронов. Обзор сделан корректно и выявляет факты, противоречащие исходным гипотезам Пикеринга и Гаррода.

Последняя глава диссертации посвящена авторской модели, называемой «Модель интерактивной координации». Согласно этой модели, в начале диалога собеседники совершают выбор коммуникативной стратегии – эгоцентрической, нейтральной или кооперативной, а успешность последующего общения зависит как от выбранной каждым из собеседников стратегии, так и от взаимного уподобления этих стратегий. Важным отличием предлагаемой модели от традиционных является то, что она не носит абстрактный универсальный характер для «собеседников вообще». В серии экспериментов, проведенных с русскоязычными носителями по методике диалога с обученным подыгрывающим, важным нововведением стал анализ индивидуальных особенностей языкового поведения испытуемых, что позволило разделить испытуемых на 3 группы в зависимости от выбираемых ими коммуникативных стратегий. Обсуждение нейрофизиологических коррелятов речевого взаимодействия приводит диссертанта к предположениям, что зеркальные нейроны играют важнейшую роль в процессе уподобления репрезентаций собеседников в ходе диалога. В общем случае этот процесс протекает быстро и автоматизированно, что, тем не менее, не исключает возможности контроля данных процессов. Модель психического коррелирует с механизмами уподобления ситуационных моделей

собеседников, а также с механизмами кооперации и уподобления стратегий. В первом случае автор предполагает наличие медленного и ресурсозатратного процесса, в то время как вторые два механизма протекают быстро и в автоматическом режиме.

Итак, предложенная Модель интерактивной координации хорошо фундирована, в то же время она выдвигает ряд гипотез, требующих междисциплинарной проверки. Заключают диссертацию выводы, раскрывающие перспективы дальнейшего развития Модели интерактивной координации.

Говоря о диссертации в целом нельзя не отметить логическую стройность и простоту изложения, важную для междисциплинарного читателя.

Переходя к замечаниям по работе, можно отметить, что при обсуждении истории когнитивной науки стоило бы вспомнить взаимодействие Р.О. Якобсона и А.Р. Лурия по изучению афазий, внесшее вклад и в лингвистику и в нейропсихологию и сыгравшее важную роль в становлении нейролингвистики (1963) и шире – психолингвистики. Выше уже отмечалось, что психолингвистика представлена в диссертации однобоко, более полное изложение вклада Л.С. Выготского и А.Р. Лурии в отечественный вариант психолингвистики – теорию речевой деятельности – важно не только в историческом плане. Бурный расцвет методов нейровизуализации работы мозга повлек за собой угрозу «френологизации» при интерпретации их результатов. Принципы системного строения высших психических функций и их динамической организации и локализации были бы хорошим противовесом против механистической трактовки данных, как экспериментов, так и нейровизуализации.

Подведем итоги. Предпринятое нами комментированное изложение диссертации О.В. Федоровой с несомненностью показывает научную новизну, высокую теоретическую и научно-практическую значимость проведенного исследования. Можно с уверенностью сказать, глубина и широта работы О.В. Федоровой привлечет к ней внимание широкого круга специалистов: не

только когнитивных лингвистов и психолингвистов, но и представителей других входящих в когнитивную науку дисциплин – психологов, психофизиологов, специалистов по искусственному интеллекту.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации.

Оценивая работу в целом, можно с уверенностью сделать вывод, что диссертационное исследование О.В. Федоровой является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как крупное научное достижение. Диссертация О.В. Федоровой соответствует всем требованиям Положения о присуждении ученых степеней ВАК при Министерстве образования и науки РФ (утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74, в редакции постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по Специальность 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

Заведующий лабораторией нейропсихологии
факультета психологии
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор психологических наук, профессор

 Т.В. Ахутина

15 мая 2013 года